

СТЕПАН КОСЯКОВ



ЛЖЕЦ

НАС БОЛЬШЕ НЕТ

Стелла Юсупова

Лжец. Нас больше нет

«Автор»

2026

Юсупова С.

Лжец. Нас больше нет / С. Юсупова — «Автор», 2026

Полтора года я жила с мыслью, что мой муж погиб в авиакатастрофе. Я оплакала его. Собрала по кусочкам свою жизнь. Научилась дышать без него. Позволила его лучшему другу стать моей опорой. И в день, когда наконец решилась снова сказать «да», мой погибший муж вернулся. Живой. Он заявил, что я все еще его жена и никакого развода не будет. А потом выяснилось то, что оказалось страшнее самой смерти. В день, когда весь мир считал его погибшим, Илья даже не сел на тот самолет. Пока спасатели искали тела в море, пока я сходила с ума от горя, пока наши дети плакали по отцу, он был в постели своей любовницы... Вот только любовница успела надоесть и муж-лжец требует свою жизнь обратно...

© Юсупова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	19
Глава 8	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Стелла Юсупова

Лжец. Нас больше нет

- А теперь срочная новость! Два часа назад при посадке на подлете к аэропорту потерпел крушение самолет авиакомпании «Иллюзор», летевший из Москвы в Сочи...- говорит монотонным голосом диктор федерального канала...

Кофе в руках падает на столешницу, за которой мы завтракаем с сыном и дочерью... Внутри все обрывается... Этим бортом... летел мой муж!

Полтора года я думала, что Илья разбился в авиакатастрофе. Самолет упал в море и его останки так и не были найдены...

А потом он «воскресает». На пороге ЗАГСа, в день, когда я все же смогла отпустить прошлое и сказать «да» его лучшему другу, который все это время был рядом, пока я сгорала от горя утраты. Илья говорит, что я все еще его жена и развода не будет...

Вот только вместе с его возвращением выясняется и другая страшная правда... В тот злополучный день его не было на борту разбившегося самолета. Он был дома у своей любовницы...

Глава 1

АННА

Мой мир раскололся на «до» и «после» в семь утра за чашкой кофе.

До – жизнь. Яркая, шумная, иногда с красными от недосыпа из-а кучи дел глазами и тяжелой головой, но полная смысла. Смысл... Какое глубокое, правильное слово, когда мы говорим о семье. Смысл начинался с него, любимого успешного мужа... В запахе его одеколona, смешанном с запахом утреннего эспрессо. В его милых поцелуях за ушко, когда вставал, а я кашеварила на кухне. В его командировках, куда я его всегда собирала со слегка щемлящим от тоски сердцем, но преисполненная пониманием, что он все делает для благополучия и достатка нашей семьи. В возвращениях, от которых это же сердце билось в упоении, в приятной милой радости от его внимания- подарков и цветов, которые он никогда не ленился покупать по дороге из аэропорта.

И... наши дети, конечно... В них было то самое воплощение этого самого смысла семьи. Наша радость, наша гордость, наше продолжение... Даня, которому восемь, и Лика, которой шесть... Еще такие маленькие и такие большие... Так сильно похожие на него оба... Говорят, так всегда бывает, когда женщина любит отца своих детей...

Вся моя жизнь была наполнена смыслом- наш красивый дом, потрясающий сад, интересный совместный досуг...

«После» началось с монотонного голоса диктора за кадром. Я даже не смотрела на экран телевизора, который привычно бубнил в гостиной. Я разливала по чашкам какао для детей. И вдруг знакомое название – «Иллюзор». Его рейс. Москва – Сочи...

Чашка выскользнула из рук. Она будто взорвалась, ударившись о мрамор столешницы. Горячий горький фонтан брызнул на мои руки, на белую футболку Ильи, в которой я спала. Коричневые капли поползли по стеклу, как кровь.

Звук разбитого фарфора был таким громким, что заглушил на секунду голос диктора. Он прозвучал как выстрел, как хлопок дверью в пустоте. Я смотрела на коричневую лужу, ползущую по светлому дереву, на осколки. Мои пальцы, обожженные, все еще складывались в призрачный круг, держащий то, чего уже не было.

«...самолет авиакомпании «Иллюзор»...»

Голос продолжал бубнить из телевизора. Каждое слово было гвоздем, вбиваемым в сознание. Москва – Сочи. Рейс 1447. Время вылета – 06:40. Именно его рейс. Его билет лежал у меня в сумочке, на него была распечатка электронного письма. «Все будет хорошо, родная. Прилечу обратно, отвезем детей твоей маме и проведем время только вдвоем, куда-нибудь съездим...», – сказал он вчера на пороге, целуя меня в лоб. Его губы были теплыми. Он пах ветром и кофе.

- Мама? Мама, что случилось?

Даня дергал меня за рукав. Лика, напуганная грохотом и моим окаменелым лицом, начала хныкать загодя, уже предчувствуя неладное... Я повернулась к ним. Я должна была что-то сказать. Обнять. Успокоить. Но мой язык был ватным, а в голове стоял вой сирены, перекрывающий все мысли.

- Папа... - выдохнула я, и это было единственное слово, которое смогло прорваться. В их глазах мелькнуло недоумение, а затем, будто по проводнику от моего ужаса к их маленьким сердцам, пришло если не понимание, то подозрение. Неполное, смутное, но оттого еще более страшное. Даня, взрослый в свои восемь лет, побледнел. Лика теперь заревела громко, навзрыд.

- Все хорошо, детки,- я быстро взяла себя в руки, как могла,- папа просто... приболел...

Дальше был хаос, в котором я двигалась как сомнамбула. Автоматически вытерла стол, усадила детей перед мультиками (какая дикая мысль – пытаться их отвлечь!), начала звонить. Сначала Илье. С робкой надеждой, с... Его телефон сейчас выдавал короткие гудки, а затем

женский голос хладнокровно сообщал: «Абонент временно недоступен». «Временно». Какое жестокое, ложное слово. Он уже никогда не будет доступен... От этой мысли жутко мутило. Рябь перед глазами, паника, удушающая, лишаящая даже умения двигаться...

Потом звонки в авиакомпанию. Мои пальцы были холодными. На виски давило. Я звонила и звонила... Долгие гудки, затем голос в трубке, уставший, заученный: «Центр информации для родственников...» Я назвала фамилию. «Пассажир Илья Самарин, рейс 1447... Да, значится как прошедший регистрацию... Внесен в предварительный список по обращениям членов семей... Ожидайте дополнительной информации... Буде объявление представителя авиакомпании...». Предварительный список. Это не ошибка. Это он... На борту...

Я опустила трубку и поняла, что не могу дышать. Воздух не попадал в легкие. Комната поплыла. Я ухватила за столешницу, чувствуя, как ноги подкашиваются. «Не сейчас, – приказала себе мысль, острая и четкая. – Ты не имеешь права сейчас. Дети на тебя смотрят...»

Мир сузился до размеров нашей кухни-гостиной... Вокруг-зияющая черная дыра. Куда звонить? Кому сообщать? Его родители старые, как им сейчас доносить такую новость... Друзья... Да, точно... Друзья... Только подумала об этом- телефон зазвонил. Марк. Лучший друг Ильи и его бизнес-партнер. Точно! Вот кому и надо было звонить прежде всего!

- Ань, привет!- услышала я до боли знакомый голос чуточку с хрипотцой,- ты... ты дома?

Он знал... И подбирал слова. Думал, я еще не в курсе.

- Дома... Я... я новости смотрела, Марк...

В горле запершило. Нет, даже не так, словно бы я проглотила лампу и она на осколки там рассыпалась. Такая боль... Дышать нечем. Сейчас зарыдаю, а тут дети испуганные...

- Я сейчас приеду,- говорит он тут же, понимая мое состояние,- детей собери. Надо их отвезти пока к родным.

- Сейчас няня придет... Все нормально...

Нормально... Какое чудовищно нелепое слово.

Ничего не было нормальным.

Мой мир разрушен.

Глава 2

ИЛЬЯ

Мой мир раскололся на «до» и «после» в семь утра за чашкой кофе.

«До» в моем мире было сладким, пошлым и очень удобным. Я называл это место своим раем. Да, идеальным местом, в котором было так хорошо, как давно не было, а может и никогда.

Рай этот пах дешевым сладким парфюмом, сигаретами и жареной картошкой. Он был в скомканных простынях, незамысловатой калорийной, но вкусной в своем безобразии еде, в раскованном сексе и тотальном ощущении легкости. Да, со Светкой мне было легко.

И ведь стыдно признаться- я слыл гедонистом и эстетом, сам себя таким всегда считал, а по факту оказалось, что мне по-настоящему легко и расслабленно там, где нет умных разговоров и высокой кухни, зато есть вульгарный громкий хохот без ограничений, трехэтажный мат, есть непосредственность и отсутствие правил и дисциплины. Это как ребенок, который прорвался в магазин сладостей и никто ему не скажет «нет», потому что дорого или вредно.

Я, как кот, потянулся на диване, чувствуя приятную ломоту в мышцах. Не в спальне, нет. В этой однушке на окраине города спальней была вся квартира. Диван, кухня, телевизор. И Светка. Моя вторая, тайная, настоящая, как я себе тогда внушал... Да, мы не были расписаны и тогда я думал, что не будем никогда, потому что на таких не женятся, но... я с ней был собой. Здесь я отдыхал и телом, и душой. От всей тяжести этого мира находил приют в этой убогой съемной однушке.

Мы начали встречаться полгода назад. Конечно же, без ухаживаний, стараний с моей стороны, танцев с бубнами. Светка была продавщицей на бензоколонке, куда я часто заезжал заправить машину и взять кофе с собой. Молодая, сочная деваха. Так смотрела на меня, что... сразу в паху тяжелело. Нет, она не пыталась меня склеить. Для нее такие, как я, были, конечно же, недосыгаемы. Она смотрела, как на бога... Это подкупало, мать его...

Сейчас раскрою вам то, в чем никто вам честно не признается... Так сказать, мысли типичного успешного мужика к сорока, который начинает смотреть на сторону. Считайте это если не объяснением всего, то исповедью... Я всегда был хорошим переговорщиком. Это помогло мне существенно преуспеть в бизнесе. Это помогло мне построить успешную семью. Можно сказать, что с Аней я договорился отлично: дом, дети, карьера, регулярный, качественный секс по субботам и неплохой по средам, если не слишком устал. Мы были идеальной командой. Она – моя красивая, умная, безупречная визитная карточка. Та, с которой не стыдно в люди, на встречу с партнерами, в театр. Та, что воспитывает мое будущее – наследников. С Аней все было ясно, предсказуемо и... безопасно. А в безопасности есть своя смертельная скука.

Кризис среднего возраста – не про седину и пивное пузо. Это про внутренний вопль: «И это все?!» Когда ты все просчитал, все достиг, а душа, эта алчная с*ка, орет, что ей мало. Ты смотришь на себя в зеркало после душа: тело еще в порядке, деньги есть, статус есть... И понимаешь, что можешь позволить себе больше. Не новую машину. Не новую квартиру. А что-то поинтереснее – новое чувство. Острое, запретное, грязное. То, что выбьет тебя из этой идеальной, налаженной колеи...

Началось с глупостей. С прокрутки сайтов, где девчонки за деньги готовы показать тебе всё. Смотрел, оценивал, даже пару раз платил за тет-а-тет чаты. Но это было как порно – сиюминутный выброс адреналина, потом пустота и брезгливость к себе. Я хотел не проститутку. Я хотел... обладания. Чистой, примитивной власти над живым, настоящим существом. Чтобы не за деньги. Чтобы «по любви». Чтобы она смотрела на меня, как на господина, а я бы снисходил. Это был самый циничный из всех возможных сценариев, и мой внутренний подлец ликовал. И нет, я не уникален. Это истинное и самое глубинное желание любого гуляющего на стороне

успешного мужика. Вы, офигевшие женушки, просто перестаете давать это заслуженное ощущение восторга от самого себя... Перестаете считать нас центром своего мира...

Аня была вся в детях и в работе. И в этом своем идеальном мире, который она строила вокруг нас. Она перестала быть женщиной, она стала матерью моего семейства. Параллельно-успешны преподаватель в престижном вузе. Работа два раза в неделю, какие-то зумы постоянные научно-исследовательские. Умудрялась как-то это миксовать. Я уважал это. Меня даже это по-человечески восхищало... Но меня это больше не возбуждало. Вот в чем была проблема...

Мне хотелось той, которая не будет говорить о развивающих методиках и освежении ремонта, грузить меня содержанием очередной книги или идеями для новой статьи в ВАКовский журнал. Я хотел простоты. Чтоб мозг не напрягать.

Светка была идеальным кандидатом. Младше на пятнадцать лет. Приехала из какой-то глухой деревни под Рязанью «завоевать Москву». Ни насмотренности, ни стиля, ни жеманности и претензии на нечто сложное... Просто оголенные инстинкты и базовые человеческие потребности.

Какое-то время это было просто забавной игрой в гляделки. Я исправно заезжал на бензоколонку заправиться. Она меня обслуживала, стеснительно кивая и сразу краснея... Мы даже здоровались как знакомые. Я мог с небрежной улыбкой ей что-то бросить в виде комплимента или фразы о том, какой паршивый день сегодня... Такое общение у тебя за день происходит с десятками людей, которых ты видишь в кафе, на стоянке, в лифте, на работе... Серый фон жизни.

А вот тут все пошло иначе... В один из дней поймал себя на мысли, что то и дело вспоминаю про ее губы и сиськи, красиво обтянутые белой простенькой кофтой. Заехал вечером на заправку. Взял зачем-то кофе, хотя после трех никогда его не пил- сердцебиение было. Она протянула чек, у нее дрожали руки... Облила плохо закрытым кофе мой рукав. Расплылась в извинениях, а глаза были огромные, испуганные, как у загнанного зверька. В них читалась вся ее незащищенность, вся дремучая, деревенская простота. В них я увидел чистый лист, на котором можно нарисовать все что угодно. А еще я помню острый запах бензина. С детства его любил и стеснялся в этом признаться кому-то. Потом сам прочитал, что у некоторых людей на уровне нейрохимии этот запах возбуждает лимбическую систему, вызывая острое, но сиюминутное чувство удовольствия... И вот тут все смешалось- бензин, сладкие сильные духи, ее сиськи и испуг в глазах... Пронзило такое острое, почти животное желание...

У нее как раз заканчивалась смена. Срывающимся на хрип голосом сказал, что могу подбросить до дома... Согласилась сразу. У заплеванного подъезда положил руку на коленку и сжал... Наши глаза встретились в темноте салона... Даже не предложила, а словно бы попросила подняться к ней...

И кофе для сердцебиения было не нужно. Она мне его дала без всякого кофе. Хотя потом кофе все же был. После секса. Растворимый, на ее крохотной кухоньке. Нелепость какая. Сам себе не верил, что пил растворимый дешевый кофе из толстой кружки с нелепым рисунком мишки, после секса с первой встречной...

«Дрессировка», подсадка на себя была легкой. Я даже это ухаживанием не назвал бы... Потому что шибко не парился. Подарки, которых она в жизни не видела. Внимание, которого ей не хватало. Я играл роль доброго дяди, спасителя, «настоящего мужчины». Ее обожали в ее деревне? Фиг там. У нее не было позади ничего, чем бы она дорожила. Отец пил и грозился выдать замуж за соседского уродца. Ни гроша за душой, ни образования, ни профессии... Я был для нее принцем на белом мерседесе. Когда она впервые оказалась у меня в постели – робкая, неопытная, но жадная до ласки – я почувствовал то самое. Молодость. Силу. Власть. Она делала все, чего не делала и никогда бы не сделала Аня. Говорила грязные слова, которые были расхожими в ее деревне. Носила вызывающие, вульгарные платья, которые я ей покупал, чтобы подчеркнуть ее «простоту». В ней не было ни грамма ума Ани, ее такта, ее глубины. Зато

была животная, примитивная отдача. Она была моей грязной тайной, моим личным пороком, который я возвращал с садистским удовольствием.

Вот так и пошло-поехало... Для нее, деревенской, запуганной строгим отцом девчонки, это было спасением. Для меня – остроумным решением. Я получил то, что хотел: молодое, жадное до жизни тело, обожание, раскованность, которой так не хватало в вылизанной до стерильности жизни с Аней. Анечка была идеальной женой. Светка была идеальной... девчонкой. Игрушкой. Глупенькой, вульгарной, смешной и такой доступной.

И вот, я скакал между двумя жизнями. Дом – уютная тюрьма с бархатными стенами. Квартира Светки – душный, грязный, но такой сладкий свинарник. Я был богом в обоих мирах. Для статусной Ани – успешный муж, кормилец, отец. Для послушной и безотказной Светки – спаситель, источник всех благ. Я искренне считал, что можно любить двух одновременно. Просто это разная любовь. Как любят дом и любят спортивную машину. Дом – это надежно, фундаментально. Машина – это драйв, скорость, острые ощущения. И я имел право и на то, и на другое. Так мне казалось.

Глава 3

ИЛЬЯ

Светка вышла на кухню, полуголая, в моей майке. В руках две чашки с растворимым кофе.

- На, - брякнула она, ставя одну мне на живот.

Я вскрикнул от неожиданности и горячего, засмеялся. Она села рядом, свесив голые ноги на пол.

- Че смотришь? - ухмыльнулась она, ловя мой взгляд.

- На тебя смотрю. Красивая.

- Врешь, - сказала она, но засветилась изнутри. Ей было двадцать. Ей можно было врать, и она верила.

Я привез ей вчера сережки. Купил их в ювелирке эконом-класса по дороге сюда после того, как попрощался с Аней, проводившей меня в очередной «полет». Я врал им обоим. Ане – что лечу в Сочи на презентацию. Светке – что вот-вот поговорю с женой и скажу, что так больше нельзя. Смех, конечно... Она реально верила, что я оставляю семью? Вообще... мысли были все послать на хрен. Но не из-за Аньки. Скорее от того, что к среднему возрасту все обрыгло. Вот прям подступило к горлу...

Еще и, с*ка, проблемы на работе. Влезли с Марком в венчурную историю, поддались на большой кредит, просчитались в прибыли... теперь как-то выгребать... Марк говорил, может даже придется продавать часть бизнеса... Это очень, очень плохо... У детей школа дорогая частная. Светке обещал квартиру свою- заслужила. А вернее, если называть вещи своими именами- насос...ла...

Короче, любой задолбанный к сорока годам мужик меня прекрасно поймет...

Включил телевизор. Фоном. Мне было хорошо. Расслабленно. Со Светкой никакого пп, никаких утренних пробежек, гребанных закрытых колец на умных часах на руке, никаких походов в спортзал и образа идеального джентльмена. Словно бы назад в прошлое, в студенчество что ли, или к маме под бок в старших классах, когда мы еще не знали, что хавать жареную картошку с корочкой на подсолнечном масле прямо со сковородки- это уже как минимум три смертных греха...

Короче, отдушина моя. Услада. Ретрит... У меня было две жизни, и я мастерски жонглировал ими. До тех пор, пока...

Голос диктора был, как сотни других. Но слова... слова впивались в сознание, как крючья. «...самолет авиакомпании «Иллюзор», летевший из Москвы в Сочи...»

Сердце в груди провалилось в никуда. Холодная волна накрыла с головой.

Я вскочил, и чашка с кофе полетела на пол, разбиваясь с каким-то душераздирающим треском. Я подбежал к экрану, вглядываясь в бегущую строку. Номер рейса. Мой рейс. Рейс, на котором я должен был быть.

- Илья? Чё ты? - испуганно спросила Светка.

Я не слышал ее. В ушах стоял гул. На экране показывали кадры места крушения, обломки в воде. Мой самолет. Тот самый, на котором я не полетел. Потому что купил билет, как нередко делал для конспирации. Потому что захотелось к Светке. Потому что я солгал Ане и придумал эту командировку, чтобы провести здесь три дня.

Я был жив. Но в глазах всего мира, в глазах Ани, детей, моих родителей, друзей... я был в этом самолете. И это что же, получается?! Я был мертв?!

Ужас, ледяной и тошнотворный, сковал меня. Это был не ужас смерти, а ужас разоблачения. Что теперь делать? Как вернуться? «Я не полетел, потому что заболел», – мелькнула мысль. Но билет был сдан? Нет. Регистрация была пройдена? Да, я всегда так делал. Регистри-

ровался онлайн. На всякий пожарный, чтобы если вдруг спалюсь, было что жене предъявить... Меня будут искать. Среди погибших.

Аня... Боже, Аня!- подумал в ужасе о жене...

Глава 4

АННА

Родственники, друзья, Марк неустанно рядом... Голоса в трубке, полные ужаса и сочувствия, сливались в один сплошной гул. Я благодарила, говорила «да-нет-не знаю», и внутри росла ледяная пустота. Горе было где-то там, за толстой стеклянной стеной. Я его видела, чувствовала его холод, но оно еще не дотронулось до меня. Я была в шоке. До меня еще не доходило... В анабиозе.

На третий день наступила фаза истерической активности. Надо что-то делать. Я решила ехать. Не в Сочи, туда не пускали, да и куда ехать? Самолет упал в море, останков толком не нашли.

Надо ехать в офис авиакомпании в Москве. Могла дожидаться кого-то из друзей Ильи. Марк предупреждал, чтобы я сама ничего не делала, что он сам во всем поможет, тем более, что это именно он все эти дни общался с авиакомпанией, но... мне психологически было нужно сделать это самой...

Я оставила детей с сестрой, хоть она и не хотела меня отпускать в таком состоянии, натянула темное платье, отказываясь пока отчаянно наивно признать, что это уже... траур... и поехала. В огромном, безликом здании царил организованный хаос. Толпа таких же, как я, с лицами, из которых ушла жизнь. Очередь к окошку растянулась на сотни метров. Люди молчали или тихо плакали. Воздух был густым от отчаяния. Они стоят тут уже не первую ночь. Их горе уже осмысленное. Как и мое. И совсем нет надежды...

Я простояла четыре часа, потому что представитель авиакомпании все никак не выходил... Когда в очередной раз подошла к окошку, молодая девушка с потухшими глазами, даже не глядя на меня, протянула бланк: «Руководство раздало новую форму. Для ДНК-экспертизы найденных останков. Заполните. С Вами свяжутся судмедэксперты по вопросу сопоставления материалов... Список уточненный будет позже. Поиски продолжаются»...

- Но... как это? - мой голос звучал хрипло, чужим. - Вы не можете просто... Ну, а спасательная операция? Самолет же падал, там же... Он мог выжить! Его могли найти! Почти сразу останки...

Из горла вырвался такой острый, такой болезненный то ли вой, то ли просто крик... Отчаяния...

Девушка взглянула на меня с безразличным состраданием профессионала, повидавших за эти дни не одну такую, как я.

- Гражданка Самарина, успокойтесь. Все данные мы передаем спасателям. Как только будет информация – вам позвонят. Дальше, пожалуйста.

- «Дальше»?! - что-то во мне сорвалось. Хлипкая перегородка, отделявшая меня от безумия, рухнула. - Мой муж там! Вы понимаете?! Он ушел из дома, поцеловал детей и...! Я должна знать! Я не уйду, пока вы мне не...

- Гражданка, не повышайте голос. Вы мешаете работе. Если не успокоитесь, я вызову охрану.

Ее холодный, административный тон был как плеть. Охрана. Слезы хлынули градом, но это были слезы не горя, а бессильной ярости. Я уперлась руками в стойку, не в силах пошевелиться, чувствуя, как на меня смотрят сочувствующие и раздраженные взгляды сзади.

Вздрагнула, когда меня коснулись позади чьи-то сильные руки, накрыв плечи. На сотую толику секунды, в каком-то угаре безумия я вдруг поймала себя на робкой надежде, что это Илья... Господи...

Глава 5

АННА

Обернулась... Марк. Стоял, большой и грозный, как стена, в темной куртке, лицо было жестким, словно бы высеченным из гранита. На нем не было обычной насмешливой полу-улыбки, к которой я привыкла за годы его дружбы с Ильей. Только холодная, сфокусированная решимость. Он не спрашивал, что случилось.

- Ты как разговариваешь, девочка?!

Девушка за окошком на мгновение растерялась под его взглядом.

- А вы кто? Мужчина, не мешайте...

- Я – человек, который сейчас задаст вам три вопроса, а вы на них ответите, - его голос был тихим, но таким весомым, что казалось, слышно его в каждом уголке зала. - Первый: кто здесь старший по смене? Не вы. Второй: где сейчас находится представитель для работы с семьями погибших, которого по закону вы обязаны предоставить? И третий, личный: вы действительно хотите, чтобы я позвонил вашему начальству и федеральным каналам прямо сейчас, чтобы объяснить, как здесь оказывают «помощь» родственникам?

Он не кричал, не эмоционализировал. Просто говорил. И каждый его вопрос словно бы бил ребром меча по камню, оставляя искры. Девушка побледнела. Забежали глаза.

- Я... я сейчас позову управляющую, - пробормотала она и юркнула в дверь, не зная, как ответить.

Марк повернулся ко мне. Его большая, теплая рука легла сжала мою, нежно, но в то же время, так крепко, что дрожь в моих коленях чуть утихла.

- Анна, все. Ты здесь больше не одна. Дыши.

Через пять минут нас провели в отдельный кабинет. Через десять – разговаривала не заштатная клеркша, а женщина в строгом костюме, с данными на столе. Она говорила о поисково-спасательных работах, о водолазах, о радиусе поиска. Она дала визитку со своим прямым номером. Марк сидел рядом, молча, но его присутствие было ощутимым, как броня. Он задал несколько точных, технических вопросов, на которые я бы никогда не подумала спросить. Он вникал в процедуры, в сроки.

Когда мы вышли из здания на холодный воздух, я снова начала трястись. Но теперь это была реакция. Шок начал отступать, и на его место хлынула волна такой вселенской, черной тоски, что я едва устояла на ногах.

- Он... его нет, Марк, - простонала я. - Его нет.

В легких стало сухо. Просто сахара. Я не могла ни плакать, ни сделать вдох. Попыталась и каждая моя нелепая попытка была словно бы судорогой, причиняющей боль где-то между ребер.

Он остановился, повернул меня к себе. Его глаза, обычно такие насмешливые, были полны боли. Но не слабости. А какой-то стальной, готовой к бою силы.

- Слушай меня, - сказал он грубо, почти сердито, сжимая мои плечи. - Сейчас ты не сдашься. Ты не имеешь права, Аня... Ты будешь плакать, орать, бить посуду, на лысо побреешься – делай что хочешь. Но ты не сдашься. Потому что там, дома, двое маленьких, которым ты сейчас весь мир. Илью... - он на миг сжал губы, - Илью мы будем искать. До последнего. Я буду искать. Я обещаю тебе. Но сейчас тебе надо жить. Понимаешь? Просто жить. Минута за минутой. Не о нем думать, а о себе и о ваших детях, Аня.

Он не сказал «все будет хорошо». Он не предлагал пустых утешений. Он дал команду. Приказ на выживание. И в этой его грубой, мужской, не терпящей возражений заботе была такая надежность... Я все же разрыдалась, уже не от ярости, а от отчаяния, и он просто подхватил меня, прижал к своей широкой груди, давая выплакаться, не стыдя и не останавливая.

- Я повезу тебя домой, - сказал он, когда рыдания поутихли. - А потом вернусь сюда и буду сидеть у них на голове, пока не получу всю информацию. Каждый день. Ты не одна в этом, Анна. Запомни. Ты не одна в своей утрате. И больше никогда не суйся в такие места в одиночестве. Я рядом. Илья... был мне таким же родным человеком...

Он привез меня домой, уложил, заставил выпить теплой воды. Потом пошел на кухню, где моя сестра сидела с притихшими детьми. От них мы все скрывали. В версии для них папа сильно заболел в другом городе и врачи его лечат... Мне физически больно было, когда они задавали вопросы- «как папа? Не поправился ли? Когда сможет приехать? Не доктор ли Айболит его лечит?»

Марк и тут был рядом. Я слышала, как он говорит с ними. Не сюсюкает, а говорит взрослому, твердо: «Ваш папа – сильный. А мы с вами сейчас – команда. Будем помогать маме. Договорились?»

Марк не ушел той ночью. Он растянулся на диване в гостиной, огромный и неуклюжий, на детском одеяле, которое дети притащили из комнаты во время игры вместе с кучей других игрушек, а я даже не подумала впервые за всю жизнь, что нужно убрать за ними. И когда я вставала среди ночи, блуждая по дому как призрак, я видела свет от его телефона – он что-то набивал, прослушивал голосовые, прикладывая к уху, чтобы никого не разбудить, хмурился- и я видела, как сходятся на переносице его брови в синем свете от дисплея.

Подобно этому свету от экрана, в этой крошечной тьме его присутствие было не просто поддержкой. Оно было моим маяком. Неярким, но неугасающим. Я тонула- а он протянул руку. Это было так правильно чисто с человеческой точки зрения. Я бы, наверное, без этой помощи не выгребла...

Глава 6

ИЛЬЯ

Я закрыл глаза и увидел ее лицо. Ее взгляд, когда она верила моим словам. Она сейчас думает, что я разбился. Что я умер. Она... горюет. По мне. Да, конечно же, горюет. Аня всегда любила меня до безумия. Говорят, в паре всегда есть тот, кто любит, а кто позволяет себя любить. Вот у нас, думаю, по умолчанию понятно было, что в роли первого – она. Нет, и потому, что она не заслуживала любви. Анька была красивой девахой, чистой, порядочной, когда я ее присмотрел и решил, что идеально подходит для роли моей жены, тем более с отцом членом-корреспондентом РАН и матерью завкафедрой английского в МГУ, с дачей в Новом Переделкино и квартирой на Фрунзенской набережной. Нет, не чтобы примаком туда податься. Чтобы было чем гордиться и выпендриваться перед друзьями... А вот она реально умела любить, как никто. Вот такая она была...

Была...

Нет, Илюха, она не «была». Это ты «был», получается... Осознание всей чудовищности моей игры накрыло тяжелой бетонной плитой. Если я объявлюсь сейчас, меня спросят: «А где ты был? Почему не полетел?» И мне придется врать снова, выстраивать алиби, и одно неверное слово, одна проверка... и всплывет Светка. Наша однушка. Наши кутежи... Все рухнет. Я потеряю все: и Аню с детьми, и репутацию, и уважение ее отца, который в члены общественной палаты податься решил... Да и не только их... Я потеряю свою жизнь привычную... Все ее составляющие...

- Илюха? Ну, блин, че с тобой, а?! - испуганный голос Светки с типичной растяжкой слов, будто бы у нее во рту все время была жвачка, прозвучал где-то сбоку.

Я не слышал ее. В ушах стоял гул. На экране показывали обломки, черные пятна на воде. Море. Оно поглотило меня. Метафизически и буквально одновременно. По крайней мере, мою старую жизнь.

- Илья, - Светка осторожно тронула меня за плечо. - Это же... это твой рейс?

Она смотрела на экран, потом на меня. В ее глазах медленно просыпалось понимание, смешанное с животным страхом. Страхом потерять то хлипкое убежище, которое я ей дал.

- Ты... ты же здесь. Ты же не полетел...

Она сказала это не как вопрос, а как констатацию. И в ее голосе я услышал то же, что звучало и у меня в голове набатом: Что будет? Что теперь будет с нами?

Я отшатнулся от нее. От этой полуголой девчонки, от этого захламленного гнезда, от всей этой второй своей жизни...

- Молчи, - прошипел я. – Пока оставила меня в покое, залепила дуло и вышла. Поняла? Думать буду...

Она кивнула, громко сглатывая ком паники в горле, глаза стали огромными, полными слез. Она была просто глупой деревенской девчонкой, которую я сам развратил и втянул в этот кошмар.

Все сам... Все это вокруг- творение моих рук...

Я схватил телефон. Руки дрожали. Я должен был позвонить. Кому? В полицию? В авиакомпанию? Ане? И сказать что? «Привет, родная, это я, живой, я просто... забил на рейс и пошел трахаться к другой»?

Потом отшатнулся от трубки, кинул на кровать, понимая... Что не могу даже включить аппарат... Ведь телефон должен был утонуть с Илей... Господи... Что же делать?!

Мир «до» рухнул. Началось «после». И я, стоя посреди комнаты в трусах, с лицом, искаженным паникой, не понимал, что делать...

И вдруг, сквозь шок и панику, проросла новая мысль. Не страх разоблачения. Не ужас перед последствиями вранья. А... освобождение. Чистый, холодный, циничный порыв души... Обнулиться.

Взять от жизни второй шанс...

Нужно было признаться самому себе - последний год был крошечным адом. Не дома - дома-то все было как по маслу - идеально, скучно, предсказуемо... Ад был внутри меня и на работе. Дела шли под откос, несмотря на все наши с Марком усилия. Долги, сутяжничество с кредиторами, бесконечные, высасывающие все соки переговоры, за которыми не видно было цели.

А еще это гребанное, накатывающее паническими атаками среди ночи или бессонницей осознание, что большая часть жизни, самая ее яркая часть, самая интересная прожита... Я уж не буду моложе. Мне никогда уже не будет двадцать пять, когда ветер в голове, весь мир перед тобой, член колом, девчонки на любой вкус, а забот раз-два и обчелся... За богатство и статус приходится платить самым дорогим - своими годами... Наверное, нищетоходы просто идут по течению и не имеют этих проблем, но вот тебе обидно - и бабки есть теперь в достатке, а счастья это тебе не приносит. Больно. Страшно. Нестерпимо несправедливо.***

Я устал. Устал притворяться успешным, устал нести на себе этот груз - образцового семьянина, надежного делового партнера, человека, у которого все схвачено. Я захлебывался в этой роли. И бегал сюда, к Светке, не столько за страстью, сколько за возможностью не быть тем тяжелым собой, который тяготился взваленной на себя поклажей из амбиций и обстоятельств.

Быть кем-то другим - грубым, простым, безответственным...

А что, если... не возвращаться? Что, если этот случай - не трагедия, а шанс? Судьба сама протягивает билет в один конец. Билет на свободу. Я мог исчезнуть. Навсегда. Пусть думают, что я на дне моря... Пусть Аня получит страховку - она ее заслужила, она честно отыграла свою роль жены. Дети... с ними - все будет в порядке. Она лучшая мать. Поднимет. У них большой дом, мои накопления... Детям ведь мать нужна, а отец...

Можно бы было волноваться еще, если б жена была слабой на передок и привела бы в дом мужика нового, но Анька моя? Нет, не поверю! Анька не станет подсовывать ни сыну, ни дочери «нового папу». За это можно быть спокойным.

А я... я смогу начать все с чистого листа. С новой женщиной, с которой мне легко и ненапряжно... В новом месте. Без этого давящего груза прошлого, обязательств, ожиданий... Не будет детей и их нарастающих с возрастом проблем, не будет условностей... И ведь я не желаю ничего плохого никому. Не желаю никому смерти. Я сам сгину... А они свыкнутся. Вон, сколько в реале мужиков погибают, и нормально же.

Мысль оформилась мгновенно, кристально ясно, как математическая формула. Черт, давно ничего вот так быстро и так четко не складывалось в голове... Это был не план труса. Это был дерзкий, отчаянный прыжок с обрыва. Прыжок к настоящей, другой жизни. К жизни, где я буду принадлежать только себе. И знаете что?! Если бы у кого-то из вас был такой шанс, бысь об заклад, вы бы им воспользовались, мать вашу! Воспользовались, мужики! И не врите себе, что нет! Да каждый из вас из последнего тянет это ярмо!

Я обернулся к Светке. Она стояла, бледная, в моей майке, с глазами, полными непонимания и страха. Ждала моего вердикта, как на плахе. Аж возбудился. Это все прилив адреналина. Кайф.

- Что ты там болтала, Свет? Про рейс? Да, это мой рейс... Был, - хрипло сказал я, и в моем голосе прозвучала незнакомая ранее мне твердость. - Но я здесь. И я не вернусь туда.

Она не поняла.

Пару раз моргнула своими длиннющими наращенными ресницами. Смешными такими. Как у Каркуши в «Спокойной ночи». Я когда с детьми пару раз смотрел, сразу про Светку вспоминал. Но мне нравилось.

- Мы уезжаем, Светка, - объявил я, начиная быстро одеваться. В трусах такие вопросы не решить... Сердце билось уже не от страха, а от предвкушения. - Далеко. Навсегда.

- Куда? - ее голос дрожал.

Я посмотрел на нее. На эту девчонку, которую я, в сущности, не знал и не любил. Но она была частью этого бегства. Символом разрыва. С ней было проще, чем в одиночку. Она была моим билетом в новую реальность, да и мозг не делала. В сухом остатке, что еще нужно мужику?

- На Бали, - сказал я первое, что пришло в голову. Райский остров. Солнце, океан, никаких забот. Идеальный фон для новой жизни. - Собирай только самое необходимое. Все остальное купим на месте. Документы на хрен. Я сейчас постараюсь решить этот вопрос... И не только его. Короче, Света... Счастливый билет ты, считай, вытянула...

Я видел, как в ее глазах страх сменился шоком, а потом - дикой, невероятной надеждой. Для нее, никогда не выезжавшей дальше Подмосковья, Бали был синонимом рая. Она кивнула, засуетилась, и в этой ее растерянной суете было что-то трогательное и жалкое одновременно.

Пока она металась по квартире, я продумывал детали. Телефон и банковские карты – сжечь в лесополосе по дороге в аэропорт. Наличные, которые всегда держал на черный день, - с нами. Ну, и не только эти наличные... Еще была одна идея... Сейчас надо ее дообмозговать и уже реализовывать...

Прощай, старая жизнь. Прощай, Аня. Прощайте, дети. Прощайте, долги и проблемы! Вы свободны от меня. И я - наконец-то свободен от вас.

Спустя сутки, решив все организационные и логистические вопросы, мы уже ехали в такси в аэропорт «Домодедово», откуда летели рейсы в Стамбул, а там - дальше, на восток. Я смотрел в окно на мелькающие спальные районы Москвы, и странное, почти эйфорическое спокойствие наполняло меня. Горе, которое я причинил, было где-то там, далеко, за толстой стеной этого нового решения. Я загнал его в самый дальний угол сознания и накрыл тяжелым люком. Выживать нужно было сейчас. Начинать с нуля.

Я обнял Светку за плечи, чувствуя, как она вся дрожит - от страха, от волнения.

- Все будет хорошо, - сказал я ей, а на самом деле себе, - Мы начинаем новую жизнь. Настоящую...

Глава 7

АННА

Боль утраты- это не душевная мука. Она физиологична. У нее вес, плотность, температура.

После той вспышки в офисе авиакомпании что-то во мне защелкнулось. Как предохранитель. Я словно бы уже не чувствовала - я наблюдала. Видела со стороны, как оболочка по имени Анна встает по будильнику, механически движется к детской, наливает в тарелки кашу. Руки выполняли действия, но они были чужими, резиновыми. Я слышала, как из моей груди выходили слова: «Даня, надень шапку», «Лика, не капризничай». Но это был голос граммофонной записи, плоский и безжизненный.

А внутри царила пустота. Белый, густой, беззвучный туман. В нем не было мыслей, только слабый, навязчивый гул - как шум моря в раковине, но это было эхо его последнего «Пока, родная», когда он улетал в этот роковой рейс. Иногда туман рассеивался на секунду, и тогда являлось Оно. Острая, слепая, животная реальность: Его нет. Никогда. Никогда больше он не засмеется на кухне, не обнимет сзади, пока я мою посуду, не прошепчет что-то смешное и глупое на ухо. И в этот момент боль становилась осязаемой. Это был кулак из раскаленного металла, который входил мне под ребра, сжимал легкие, выворачивал желудок. Я замирала на месте, хватая ртом воздух, который не мог пройти через спазм в горле. Дети пугались, тянули меня за рукав: «Мама? Мама, что с тобой?» Я качала головой, не в силах вымолвить ни звука, пока кулак не отпускал, оставляя после себя тошнотворную слабость и еще более плотный, безнадежный туман.

Я перестала быть человеком. Я стала сосудом, наполненным пеплом. Урна с его прахом. А ведь не было ни пепла, ни праха, ни останков... Тело Ильи так и не нашли... Он все еще числился без вести пропавшим... Какая кошунственная формулировка... Дающая надежду там, где ее быть не может, а все равно хочется верить...

Смотреть в зеркало было страшно - там жила незнакомка с огромными темными впадинами вместо глаз, с кожей, натянутой на скулы как пергамент. Иногда я ловила себя на том, что часами сидела на краю кровати и смотрела на свою руку, лежащую на колене. Она казалась такой далекой, такой мертвой. Я пыталась вспомнить, каково это - чувствовать. Радость. Нежность. Даже раздражение. Ничего. Только всепоглощающая, усталая тяжесть в каждой клетке. Есть было противно. Спать - страшно, потому что сны были ярче и реальнее этой пустоты, а просыпаться от них в тишину было новой пыткой.

И в этот мертвый дом, в эту гробницу из воспоминаний, вошел Марк.

Он не врывался. Он просачивался, как вода сквозь трещины в скале. Медленно, неуклонно, заполняя собой пустоты. Сначала звуками. Его низкий голос в прихожей, разговаривающий с детьми не сюсюкая, а по-взрослому, твердо: «Ваша задача - съесть суп. Моя - починить кран. Команда?» Потом запахами. Он не спрашивал, просто начинал готовить на кухне. Не изысканные блюда, а простую, грубую еду, пахнущую детством: жареную картошку с луком, которую я уже лет сто не ела, там же канцерогены и Илья ее терпеть не мог, он обожал более изысканную еду. Или вот, наваристый борщ, гречневую кашу с молоком... Что-то родом из беззаботного детства или юношества, когда казалось, что вся жизнь впереди, когда я еще не встретила свою судьбу- Илью- и только шла к осознанию ответственности, к пониманию себя в роли жены, матери, Запах пищи, который раньше вызывал тошноту, теперь стал сигналом, тянущим из спальни, где я хоронила себя заживо.

Он не прикасался ко мне. Но он касался пространства вокруг. Переставлял мебель, чтобы в гостиной стало светлее. Принес огромный, уродливый кактус и поставил на подоконник. «Говорят, за ним уход не нужен. Просто существует». Казалось, он говорил и обо мне...

Но главное - он вытаскивал меня наружу. Буквально. Брал за локоть, твердо, но нежно, как тогда у офиса авиакомпании, и выводил из дома. Я шла, как марионетка, в том, что было на мне - в спортивных штанах и растянутой кофте Ильи, старом неглаженном платье... Мы не разговаривали. Мы просто ходили. Он вел меня по самым безлюдным переулкам, по пустынным набережным, где ветер бил в лицо и заставлял щуриться. Однажды он привел меня на строящуюся площадку неподалеку, мы забрались на груды плит и сели, свесив ноги. Внизу копошились люди, гудела техника - шла жизнь. А мы сидели над ней, как на краю другого мира.

- Знаешь, что сейчас делает Илья? - вдруг спросил он, глядя вдаль. У меня перехватило дыхание от дерзости вопроса.

- Он... - я не нашла слов. Его вопрос... выбивал воздух из легких. Своей неожиданностью что ли, алогичностью...

- Ничего, - тихо закончил Марк. - Он не страдает. Не тоскует. Не мучается угрызениями. Ему не холодно и не больно. Ему - ничего. Страдаешь только ты, Аня. И дети, которые в реальности лишились только отца, а по факту и матери. Его мучения - кончились. Твои - здесь. Не кажется ли это тебе несправедливым?

Он повернулся и посмотрел на меня прямо. В его глазах не было жалости. Была какая-то страшная, выжженная правда.

- И тебе теперь решать, Анна. Или сгореть в этом страдании, превратиться в пепел и развеяться вслед за ним. И оставить двоих детей сиротами при живой матери. Или... нести это. Каждый день. Просто нести. Потому что они - живы. И ты - жива. А мертвые - они мертвые. У них все позади. Это придется принять, или бы просто не справишься...

Это было жестоко. Бесчеловечно. Это срывало последние покровы с моего горя, обнажая его эгоистичную, пожирающую суть. Во мне вскипела ярость. Чистая, первобытная.

- Как ты смеешь?! - прошипела я, и голос, хриплый от неиспользования, сорвался на крик. - Как ты смеешь говорить такое?! Ты не знаешь, каково это! Ты не чувствуешь этой дыры! Она везде! В воздухе, в еде, в моей коже! Я не могу дышать без него! Понимаешь? Не могу! Он был моим смыслом, Марк! Илья - мой единственный мужчина! Единственный! Понимаешь смысл этого слова?! Тебе не понять! Ты убежденный холостяк и гуляка, как Илья всегда говорил. Несемейный человек, кот, гуляющий сам по себе...

Я замахнулась и ударила его кулаком в грудь в сердцах. Снова. И снова... Он даже не пошатнулся. Просто сидел и принимал эти жалкие, беспомощные удары моего отчаяния. Я ведь не его била, я себя била... Свою слабость, свою жалкость... Я била, пока не кончились силы, и тогда просто рухнула вперед, уткнувшись лбом в его плечо. И наконец, наконец пришли слезы. Не тихие, а выворачивающие наизнанку рыдания, от которых тряслось все тело, которые рвались из горла диким, нечеловеческим воем. Я плакала за все дни молчания, за всю накопленную боль, за несправедливость мира, за свое бессилие.

И он держал меня. Крепко. Так крепко, что казалось, ломает ребра. Не гладил по голове, не утешал словами. Он просто был этим якорем, удерживающим меня в шторме, не дающим разбиться о камни собственного отчаяния. Я рыдала, и мои слезы впитывались в ткань его куртки, а он молчал, прижав свою щеку к моим волосам.

Когда истерика выдохлась, осталась только дрожь - мелкая, неконтролируемая, как у раненого зверька. Я все еще сидела, прижавшись к нему, не в силах оторваться от этого единственного источника тепла во всей вселенной.

- Я... я не знаю, как жить дальше, - прошептала я в куртку, голос был измотан до дыр. - Я не была к этому готова, я... Лучше бы он ушел к другой, изменил, предал... Но не... вот это вот всё...

- Пока - не надо знать, - ответил он, и его голос прозвучал прямо над моим ухом, низкий и усталый. - Просто дыши. Сейчас. Вдох. Выдох. Вот и вся жизнь. Один вдох за раз. Я буду следить, чтобы ты не забывала...

По наитию, как маленькая, сделала этот вдох. Чувствуя, как холодный воздух обжигает легкие, как грудь поднимается и опускается. Это был первый шаг. Не в будущее. В настоящее. В следующий момент.

На обратном пути он впервые взял мою руку в свою. Не за локоть, а просто обхватил ладонью мою холодную, беспомощную кисть. И так мы шли - он, твердый и незыблемый, как скала, и я, шатающаяся, но уже не падающая. В его прикосновении не было ничего личного, ничего романтического. Была просто констатация факта: «Ты не одна. Я здесь. Я никуда не уйду».

Я знаю, что Марк был рядом, потому что порядочный человек. Данька был его крестником, именно Марк стал единоличным владельцем бизнеса после гибели мужа и он, конечно же, отчислял нам немалые деньги. Просто порядочность. Вот такая чистая, бескорыстная и искренняя. Он мог бы и дальше жить в свое удовольствие, развлекаться и тусоваться где-нибудь на Бали, будучи не обремененным никакими тяготами, но он был рядом. Как настоящий мужчина. Пока мне это было нужно...

Мы вернулись домой и словно бы нарочно за окном начался такой ливень с ураганом, что я категорически запретила Марку ехать в город. Постелила ему в гостиной. А когда укладывала детей вечером, Даня обнял меня за шею и спросил: «Мама, а дядя Марк теперь будет жить с нами?» Я замерла. А Лика добавила, уткнувшись мне в бок: «Он сказал, что если нам будет страшно, он расскажет про папины приключения. Он много знает»...

Я посмотрела в приоткрытую дверь гостиной. Марк сидел на том самом диване, где мы с Ильей смотрели кино по субботам. Он что-то читал на телефоне, и свет экрана освещал его сосредоточенное, усталое лицо. Он не пытался занять чужое место. Он просто... занимал опустевшую территорию, охраняя ее от полного запустения. Помогал жить дальше ради детей...

Лед тронулся. Не потому, что пришла весна. Хотя и это тоже - вчера в окно, среди еще пока голых черных веток деревьев в саду я увидела сидящих стайками черных грачей. Но моя весна наступила, потому, что рядом горел костер - грубый, дымный, неяркий, но дающий такое живительное, такое необходимое тепло... И я, замерзающая насмерть, инстинктивно тянулась к нему, еще не понимая, что это пламя может не только согреть, но и обжигать.

Глава 8

Спустя год и три месяца

ИЛЬЯ

-Бл, Светка, ты совсем конченная?! Что тут сложного, а?! Нажать две кнопки не можешь?! Почему каждый раз, когда я прошу тебя принести мне кофе из кофемашины ты приносишь мне какую-то пыль эфипоских дорог?!- не выдержал, заорал так, что гланды задрожали.

Бесила. Как же эта дура меня бесила...

Когда-то давно в студенчестве я случайно наткнулся «В контакте» на какое-то нуарно-концептуальное кино с любительским переводом родом из Тая. Оно рассказывало драматическую легенду о двух любовниках, которых не ждал счастливый конец... Она была женой старого императора, он – молодым и красивым стражником. Их страсть стала столь сильной, что скрывать ее уже не получалось. И тогда неверная императрица приняла решение... выбрать чувства и бежать со своим молодым любимым. Правитель их поймал и... не стал разлучать. Напротив, в наказание он сковал их руки в кандалы. Запалял так, что никакая сила не могла рассоединить кисти. Им пришлось жить так... Связанными, вынужденными делить не только одну постель, но и каждый шаг, каждую бытовую и личную нужду... Знаете, чем закончилась эта история? Любовники возненавидели друг друга и каждый пытался убить другого, чтобы только избавиться от этой обреченной связи...

Ужасно, но я сейчас, как никогда, понимал ощущения тех героев, мораль этой жуткой по своему наполнению истории. Здесь, в тропическом климате Бали, я словно бы сам был тем несчастным любовником, обреченным Императором на вечный союз с той, от которой меня начало воротить...

Да, именно. Та самая императрица. Шальная, епт. Только вместо шелковых одежд – потрепанный бикини из Алика, который уже выцвел на солнце, а вместо тронного зала – эта конура в Убуде, пахнущая плесенью и дешевым благовонием. А еще вместо кандалов – кредитка, которую она успела привязать к моему счету, пока я умилялся ее «независимости».

Баловался, бл... Думал, я обрету тут свободу... Думал, буду как в клипе: я – продюсер усталый, она – тело молодое, кокосы, закаты, потрахаться под шум океана. Ан нет. Океан оказался грязным у берега, закаты – одинаковыми, а тело молодое через три дня начало источать скуку смертельную. Оказалось, что кроме как позировать непонятно для чего в ста тысячах ракурсов и ныть, Светка пуста. Да, именно. Я нашел ей определение. Выпитая пластиковая бутылка. Та, что на два литра- с пузцом и боками, которые раньше меня заводили, хотелось подержаться, а теперь...

А теперь я сижу тут, в этом тропическом аду, и понимаю, что мой личный стражник – это она. Привязанная ко мне намертво через общий грех, общую ложь жене и общий, прости господи, бассейн с комарами. И ненавижу я ее уже не за дешевый кофе. А за то, что она есть живое, дышащее напоминание о моей же глупости. О том, что я, сорокалетний дурак, променял тихий домашний уют на шумный, липкий ад и по цене втридорога. И убить нельзя – проблемы будут. И сбежать – некуда. Остается только срываться на нее из-за кофемашины, как последний быдлан, и мечтать о единственном в мире наслаждении – молчании. О том, чтобы это надутое губками тело исчезло, оставив меня одного гнить в этой преисподне.

Я смотрел на эту непородистую, примитивную, мелкую по духу женщину- и просто не понимал, как я вообще мог на это клюнуть... Даже на раз. Даже по приколу и или по пьяни... Ее недостатки, которые раньше казались пикантными, превратились в пытку. Ее глупость, которая раньше казалась забавной, теперь была по мозгам, как тупой молот. Ее речь, состоящая из мата и слов-паразитов, ее представление о мире как о большой деревне, где все «кумовья» и «барыги» – это было пыткой для человека, привыкшего к интеллектуальным беседам с Аней,

статусными друзьями и партнерами. Бытовой ад, который я раньше воспринимал как простоту, добивал и вводил в отчаяние – пережаренная картошка, сигаретный пепел в моей тарелке, невымытые носки, которые она вечно разбрасывала по неубранной квартире. Ее тело, которое я когда-то жаждал, теперь казалось рыхлым, неопрятным, пахнущим потом и дешевой химией.

Она перестала быть моим освобождением. Она стала тюремной баландой. И я начал ее ненавидеть. Ненавидеть за каждый ее вздох, за отталкивающие меня привычки – хлюпающий нос, тупое хихиканье над глупыми сериалами и телешоу. Ненавидеть за то, что она – живое напоминание о моей чудовищной, идиотской ошибке.

Полгода жизни в изоляции, неопределенности, на чужбине в ее обществе – и меня уже воротило от нее. От ее прикосновений, от ее голоса, от ее запаха. Я спал на диване, не шел в спальню, как Гена букин из знаменитого сериала, придумывая отговорки. Она плакала, устраивала истерики: «Ты меня разлюбил! Я тебе не нужна!» И однажды, в такой ссоре, она выдала:

- А ну-ка не забывай, почему мы здесь! Я тебя сдам! Скажу всем, что ты живой и как ты меня обманул! Тебе тюрьма светит!

Лед пробежал по спине. Это был уже не испуганный, послушный, прирученный мною зверек. Это была крыса, загнанная в угол и оскалившая зубы. Мы были повязаны страшной тайной. Она из жертвы превратилась в соучастницу, а теперь стала и тюремщиком. Я понял, что запер себя в клетке с этим существом по собственному, дурацкому желанию. И что теперь делать? Как выгребать? И почему со стороны, наездами на две недели один-два раза в год Тай казался мне тихим раем, а теперь здесь было так нестерпимо душно, плохо, мучительно... Почему так отчаянно хотелось ворваться в ту свою, настоящую жизнь?! На свой диван, на свою кухню, в свою спальню, где Аня...

Единственным спасением стал телефон. Старый, выкупленный на рынке в одном из ларьков связи, наверное, даже спертый у какого-то туриста. Я завел фейковую страницу и стал искать следы Ани в интернете. Она не вела соцсетей. Но вел сынок, Даня. Там кроме детского дурачества были редкие фото: он на соревнованиях по плаванию... Я же обещал его научить, а он уже умеет... Сестренка... Моя доченька Лика на утреннике в костюме пчелки... Как выросла, смотри... И иногда, очень редко, в кадр попадала Она...

Аня изменилась. Похудела, выглядела уставшей, но в ее глазах, таких огромных на ее теперь еще более утонченном лице, появилась какая-то новая глубина. Глубина пережитого горя. Она была так красива в этом своем страдании, так недостижима и чиста, что у меня перехватывало дыхание. Она страдала по мне... От этого сердце колотилось с такой силой... Ведь она любит меня, любит... Настоящая, достойная жена, ценность которой я сам так чудовищно девальвировал...

Я лихорадочно скроллил, выискивая новые крохи информации. Ее рука на плече Дани, ее тень на фото, ее голос в коротком видео, где Лика рассказывает стишок. Это было лучшее, что я мог чувствовать в своей эмоциональной яме. И в то же время, самое болезненное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.